Downloaded from UvA-DARE, the institutional repository of the University of Amsterdam (UvA)
http://dare.uva.nl/document/107640

File ID	107640
Filename	Chapter 5: Konceptualizatsija prostranstvennych ob"ektov v rjade dialektov russkogo jazyka

SOURCE (OR PART OF THE FOLLOWING SOURCE):

Type	Dissertation
Title	КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ : АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИНАМИЧЕСКИХ И СТАТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ
Author	A. V. Podgaevskaja
Faculty	Faculty of Humanities
Year	
Pages	361
ISBN	978 90 6143 325 5

FULL BIBLIOGRAPHIC DETAILS:
http://dare.uva.nl/record/273983

Copyright

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use.

UvA-DARE is a service provided by the library of the University of Amsterdam (http://dare.uva.nl)

5 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В РЯДЕ ДИАЛЕКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

5.1 Русские диалекты в русской филологической традиции

Первые попытки осмыслить языковые данные русских народных говоров относятся еще к XVIII веку.[1] Понимание диалекта как исторически сложившейся языковой данности мы впервые встречаем у М.В. Ломоносова,[2] который, обратив внимание на неоднородность русского языка на территории Российской империи, выделил три диалекта: московский, северный и украинский (т.е. южный) (Ломоносов 1975: 51). В своем фундаментальном труде «Российская грамматика» Ломоносов главной чертой московского говора называет аканье, замечая, что для остального населения России характерно оканье (Ломоносов 1975: 52).

Более подробная классификация русских диалектов с приведением огромного фактического материала дана в середине XIX века в трудах В.И. Даля. В статье «О наречиях русского языка» Даль подразделяет все говоры на окающие (к северу от Москвы) и акающие (к югу от Москвы). Окающие говоры в свою очередь делятся на северные и восточные, а акающие – на южные и западные. Кроме того Даль выделяет еще московское, сибирское, новорусское и донское наречия.[3] Характеризуя каждое из наречий, ученый приводит огромный фактический материал, основываясь не только на данных своих предшественников, но и на собственном материале, который по широте охвата был уникален для того времени. Занимаясь классификацией диалектов русского языка, Даль отделяет эту проблему от проблемы классификации восточнославянских языков вообще и от проблемы генезиса русских диалектов в частности. Его «Толковый словарь живого великорусского языка» явился не только венцом в разысканиях самого ученого, но и завершающим этапом в собирании диалектной лексики, начатом в XVIII веке. Фонетика и морфология говоров, однако, еще ожидали дальнейшей разработки.

С качественно новым подходом мы сталкиваемся в работах А.А. Потебни, который занялся углубленным изучением диалектных фактов в широкой исторической перспективе. В исследовании «О звуковых особенностях русских наречий» (1866) ученый установил принципиальные различия между украинским и великорусским языками, а также степени редукции у безударных гласных в южновеликорусских говорах. Своими работами Потебня направил исследователей главным образом на изучение звуковой стороны говоров и их грамматики.

На рубеже XIX – XX веков, благодаря важнейшим открытиям А.А. Шахматова, определившего решающую роль гласного ударного слога в системе архаичного южновеликорусского вокализма, в представлениях о великорусских говорах произошел переворот. Сориентировав ученых на выявление новых закономерностей, Шахматов обеспечил широкий поток плодотворных исследований и переосмысление уже накопленных фактов.[4] В это время появляются первые серьезные описания отдельных говоров в различных деревнях, уездах, губерниях, где внимание обращено не только на специфические черты, отличающие говор от литературного языка, но и на черты, совпадающие с ним.[5]

В процессе дальнейшей разработки диалектологии (создание при Академии наук диалектологического центра, составление программ для собирания диалектных сведений, организация диалектологических экспедиций, направленных на планомерное изучение отдельных говоров филологами-специалистами)[6] стала выявляться картина исконного единства русского языка во всем многообразии его говоров, обнаружилась специфика территориального размещения русских народных говоров, где наряду с четкими границами в одних местах, в других представлены зоны постепенных переходов. Расширение масштабов изучения должно было вызвать необходимость массового и организованного диалектологического обследования с использованием единой научной методики и потребность координации всей работы в одном центре. Именно в это время при содействии Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, которая занялась разработкой проблем лингвистической географии.

Главным результатом ее деятельности явилось издание в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» и приложенного к нему «Очерка русской диалектологии», в котором дается наиболее систематическое для того временик изложение основных сведений о восточнославянских языках и говорах. Важными новшествами были подчеркнутое выделение языковых признаков и территорий трех восточнославянских языков, а также отражение зоны среднерусских говоров как говоров переходных.

В конце 40-х – начале 50-х годов XX века разработка теории лингвистической географии вступила в новую фазу. Под руководством Р.И. Аванесова была составлена новая программа и начат сбор сведений по намеченной сетке обследования населенных пунктов для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), в основу которого лег принцип картографирования в первую очередь фонетических и морфологических явлений, охватывающих огромное количество слов (хотя отдельные слова, характеризующиеся какими-то особенностями в их фонетическом или структурно-словообразовательном облике также учитывались).

В фундаментальных работах по диалектологии, относящихся к этому периоду, были сформулированы основные принципы лингвистической географии, сложившиеся на базе практического составления лингвистических карт для ДАРЯ. В данной специфической методике исследования каждый факт языка анализируется в координатах частной диалектной системы и предполагает территориально-сопоставительный аспект, при котором данный факт получает интерпретацию уже в масштабах территориальной дифференциации национального языка (Пожарицкая 2005: 4). В русской традиции предметом картографирования являются соответственные явления. При этом в одних случаях фиксируются разные реализации одного и того же элемента системы на всей территории, в других – противопоставляется наличие какого-либо явления на одной территории его отсутствию на другой (Пожарицкая 2005: 11).

Отечественная диалектология всегда исходила из того, что территориальный диалект есть реально существующая разновидность языка, употреб-

ляющаяся в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной общностью.[7] Спецификой русской лингвогеографической традиции, однако, является отсутствие во многом устоявшихся терминов. И если под «наречием» понимается очень большое диалектное объединение, то «говор» и «диалект» употребляются зачастую как синонимы. Однако на практике «говором» все-таки называют речь некоторого языкового коллектива (например, говор какой-нибудь деревни), а «диалект» имеет более широкое значение (Пожарицкая 2005: 12).

В соответствии с накопленными знаниями весь диалектный ландшафт подразделяется на два наречия, севернорусское и южнорусское, и переходную зону среднерусских говоров. Севернорусское наречие делится в свою очередь на Архангельские говоры, западную (Ладого-Тихвинская группа) и восточную зоны (Вологодская и Костромская группы). В южнорусском наречии выделяются Западная Смоленская группа и Тульская, Курско-Орловская и Восточная Рязанская группы, объединенные в восточной зоне. К среднерусским говорам относятся Новгородские говоры и Псковская группа (западная зона), а также Владимиро-Поволжская группа и Восточные среднерусские акающие говоры (говоры «центра»).[8]

Необходимо отметить, однако, что отечественная филологическая мысль не всегда проявляла такой живой интерес к диалектам и диалектоносителю. В 20-е – 30-е годы XX века выдвигался постулат о быстром отмирании русских диалектов в результате демократизации культуры и повсеместном распространении нормированной речи. Уровень сохранения диалектных форм языка прямо связывался с уровнем социально-политической продвинутости общества. Считалось, что только исключительное нежелание отсталых крестьян овладеть литературным языком сдерживает процесс полного исчезновения диалектов (Калнынь 1997: 115-116). Еще в 60-е годы раздавались голоса в поддержку идеи стирания диалектных различий и утверждения единых литературных норм (Коготкова 1970: 113).

Именно понимание того, что крайне преждевременно говорить об исчезновении диалекта как территориальной народно-разговорной разно-

видности языка, с одной стороны, а с другой – осознание необратимых изменений, происходящих в современных говорах и связанных с исчезновением некоторых диалектных черт и появлением «новодиалектных» примет, повлияли на небывалый интерес в последние десятилетия к этой проблематике со стороны отечественных и иностранных диалектологов.

Своеобразие нынешнего периода развития русских говоров, в значительной мере отличного от первой половины XX века, не говоря уже о предшествующих периодах, объясняется следующими причинами:

- Постоянное соприкосновение с литературной нормой, проникающей в русскую деревню через школьное образование и средства массовой информации, оказывает мощное воздействие на говор, которое, однако, скорее трансформирует исконную диалектную основу, чем приводит к ее исчезновению.
- Наблюдаемые изменения в диалектах за последние десятилетия – следствие снижения статуса диалекта в сознании носителя языка, выхолащивания его значимости для языковой личности.
- Разрушительное воздействие на диалектный континуум оказали различные факторы демографического и социального свойства. Ликвидация бесперспективных деревень в 70-е годы прошлого столетия привела, например, к сокращению территорий одних говоров и даже исчезновению других (многие пункты, обследованные по программе Аванесова в 50-е годы прошлого столетия, ныне не существуют), а переселение деревенского населения вызвало смешение диалектных черт (Калнынь 1997: 120).
- На современном этапе развития говоров мы имеем дело с формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора (Касаткина 1991: 18).

На современном этапе исследования по русской диалектологии ведутся в нескольких направлениях. Во-первых, продолжаются сбор и обработка материалов для ДАРЯ.[9] На сегодняшний день изданы карты с прилагаемым комментарием по фонетике, морфологии, лексике и синтаксису говоров Центральной Европейской части СССР.[10] Во-вторых, идет активная

работа по систематизации материалов и изданию областных диалектологических словарей.[11] В-третьих, не угасает интерес к частным диалектным явлениям, их описанию и интерпретации в свете накопленных знаний.[12] В-четвертых, периодически возрождается интерес к классическому законченному описанию отдельного говора.[13]

Однако, несмотря на все многообразие конкретных исследований, бросается в глаза тот факт, что при неослабевающем интересе к языковым (фонетическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим) аспектам, этнографическим и археологическим явлениям различных говоров и диалектов отсутствуют работы, которые бы ставили во главу угла анализ когнитивных особенностей выражения некоторых, наиболее фундаментальных понятий в диалектах. Данное исследование попытается восполнить в некоторой степени этот пробел.

5.2 Диалекты

5.2.1 Принципы отбора материала

При отборе материала мы исходили из двух основных принципов:

1 В соответствии с *принципом территориального единства* мы привлекаем диалектный материал только тех территорий, письменные источники которых мы рассматривали и при анализе диахронии языка, поскольку, как было уже отмечено, в памятниках документальной письменности и бытовой переписки, а тем более в фиксациях живой разговорной речи в разной мере проявлялось влияние языка повседневного общения (т.е. местного диалекта).

Поэтому в данной главе в центре исследования оказываются диалектные данные исконных русскоязычных территорий первичного расселения: Новгородской и Псковской областей, с одной стороны, а с другой – Московской и Тверской областей (бывших княжеств Ростово-Суздальской Руси).

Если мы взглянем на локализацию исследуемых диалектов, то увидим, что все они относятся к группе среднерусских (переходных) говоров. При

этом новгородские и псковские диалекты входят в западную группу, а московские и тверские образуют говоры так называемого «центра».[15]

2 Исходя из *хронологического принципа*, мы включаем в анализ материалы, относящиеся ко второй половине XX века. Это обеспечит параллельное сопоставление не только языковых, но и когнитивных процессов, отраженных как в диалектах, так и в кодифицированном языке. Привлечение материалов предшествующих периодов представляется нам неоправданным из-за разнородности и неполноты, с одной стороны, а с другой – из-за серьезных изменений, произошедших в различных говорах за последние 50 – 60 лет и приведших к исчезновению некоторых диалектных черт и к появлению ряда «новодиалектных» примет (см. об этом 5.1).

5.2.2 Краткая историческая справка

Прежде чем приступить к анализу конкретного языкового материала, дадим краткую историческую справку исследуемых диалектов.

Небезызвестно, что, описывая языковую ситуацию Руси до XVIII века, нужно иметь в виду сосуществование на каждой отдельной территории, в каждой отдельной земле, области или княжестве трех различных идиомов: церковнославянский язык обслуживал потребности церкви и литературы; стандартный (древне)русский язык, носивший наддиалектный характер, использовался в делопроизводстве и корреспонденции; местный идиом (диалект) обслуживал повседневные потребности носителей языка в общении.

Так, древненовгородский диалект был распространен на территории Великого Новгорода и в Новгородской земле (как на исконных территориях, так и на территориях поздней новгородской колонизации) (Зализняк 2004: 5-6). Древнепсковский диалект также представлял собой совокупность местных говоров Псковской земли и западных новгородских пятин. Оба эти диалекта восходят, как установлено, к древнему племенному языку кривичей (Николаев 1994: 25-26).

Западные и восточные говоры древней Новгородской земли не являются результатом распада некоего единого «прановгородского» диалекта. Древний новгородско-псковский диалект значительно отличался от наддиалектной формы древнерусского языка, в то время как восточно-новгородские говоры стояли довольно близко к наддиалектному древнерусскому. Интересно, что наиболее последовательно специфичные новгородско-псковские черты были реализованы в псковском диалекте.[14] Если бы древненовгородское государство сохранило свою независимость, то в итоге мы бы имели дело с еще одним восточнославянским языком. Однако включение Новгородской земли в состав Московского государства прервало этот процесс (см. подробнее об этом Зализняк 2004: 6-7).

Присоединение в самом начале XIV века к Москве Коломенского княжества и других земель Ростово-Суздальской земли создали условия для образования здесь говоров, своеобразно соединявших в себе черты ростово-суздальского и рязанского диалектов (Захарова, Орлова 1970: 335). И если рязанские диалекты восходят к племенному языку вятичей, то ростово-суздальский диалект не может, к сожалению, быть поставлен в генетическую связь ни с одним из реконструируемых восточнославянских племенных языков.[16]

Последующее возвышение Москвы привело не только к созданию своеобразного московского городского койне, в котором отразилось взаимодействие северновеликорусского и южновеликорусского наречий, а также разнородных говоров Подмосковья (при главенствующем начале все-таки южновеликорусских элементов), но привело и к превращению этого койне в основу для формирования литературного языка.[17] Поэтому многочисленные совпадения языковых явлений в говорах так называемого «центра» и в нормативном языке, а также общие для них тенденции языкового развития вовсе не случайны (Баранникова 1967: 66). Именно этот факт способствовал тому, что Московская область, например, долгое время считалась «неблагоприятным» районом для диалектных исследований. Предположение о сильно смешанном характере московских говоров направляло интерес исследователей к более удаленным от столицы диалектным зонам.

5.2.3 Основные источники диалектных данных

Отечественная диалектология располагает замечательными по охвату представленного материала, многотомными словарями говоров Псковской, Новгородской, Архангельской, Ярославской областей, а также говоров Карелии, Сибири, Урала, Дона и т.д. В то же время диалектных справочников по центральным говорам крайне мало, и они не значительны по объему.

В последнее время вышли также сборники текстов с записями звучащей речи, являющиеся репрезентативными для определенных говоров в определенных местностях. В этой связи можно назвать серию «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия», в которой собраны материалы по южновеликорусскому и северновеликорусскому наречиям, материалы Бюллетеня Фонетического Фонда русского языка, ряд хрестоматий. Однако при обследовании материала становится очевидным, что восточные среднерусские акающие говоры, как правило, в этих сборниках не представлены. А это в значительной степени ограничивает возможности отбора диалектных данных для нашего исследования.

При работе над данной главой нам приходилось обращаться прежде всего к печатным изданиям, поскольку, к сожалению, еще не существует общенационального корпуса диалектных текстов. А электронные тексты, предоставляемые нашими коллегами из собственных собраний, отражают, как правило, диалектные особенности территорий, не рассматриваемых в данной работе.

При анализе конкретного материала мы использовали следующие диалектологические источники:

- псковские говоры:

- *Псковский областной словарь с историческими данными* (далее ПОС), объем просмотренного материала 2500 страниц;
- *Говор деревни Островцы Псковской области* (далее Honselaar);

▪ новгородские говоры:
- *Новгородский областной словарь* (далее НОС), объем просмотренного материала 1500 страниц;

▪ говоры «центра»:
- *Опыт словаря говоров Калининской области* (далее КОС), объем просмотренного материала 300 страниц;
- *Словарь говоров Подмосковья* (далее СП), объем просмотренного материала 210 страниц;
- *Хрестоматия по русской диалектологии* (далее ХД).

5.3 Псковские диалекты

5.3.1 Анализ конкретного материала

В материалах псковских говоров выделяются в основном все концептуальные категории, характерные вообще для представлений носителя русского языка о пространстве. Здесь можно отметить явления, характерные для общеязыковых представлений, и явления, специфичные для данной диалектной территории.

1 К категориям контейнерного типа относятся локумы, которые однозначно осмысляются как закрытые пространства-вместилища или как участки поверхности с горизонтальными границами:

▪ [СТРОЕНИЕ] (изба, дом, казарма, чум, амбар, баня, хлев, сарай/пуня/клеть/клуня, кузница и др.):[18]

(1) Ф каждъм доми теперь залатой лист растеть…
(2) Девушки скапляюцца в анну избу…
(3) Зёрнъ хранили в анбаре.
(4) … хатела в байню ити жыть.
(5) Афца ф хляву бляёт…
(6) Они жывут ф чумах…
(7) Така малинька двяринка у меня ф сараи…

(8) Ф пуни коромные хлеба кладут.
(9) … вот люди ему насили точева, как ф красильную.
(10) Пойду ф кузницу лаврики ковать.
(11) … жыли в опшэй казарме.

▪ [ПОМЕЩЕНИЕ] (комната/каморка/хоромина, сени, коридор, подвал, ледник, кладовка/клеть/засек, истёбка/казёнка ‘чулан в доме и др.):

(12) … ф комнати сидит…
(13) Я ф каморку сваю прабирался с трудом.
(14) Куда-та дела чашку […] так в другой харомине.
(15) Иду домой, смотрю, ф сенях брёвны лежат…
(16) Ф кълидори пол с кругляка.
(17) Ани такие дикие, ф падвале катифшы.
(18) Когда жывотных резали, в ледник клали мяса…
(19) … нада капать картошку и насить в засек.
(20) В исьтёпке нинужный струмент в мяня лижыт.

▪ [УЧРЕЖДЕНИЕ] (церковь, магазин/лавка/лабас, больница, кинотеатр, тюрьма, санаторий, аптека, гостиница, кабак, канцелярия, контора, столовая, семинария и др.):

(21) …ф цэркву идёш…
(22) Кафтей нету в магазини.
(23) Што ш вы в лабас не пайдёти, рас приехали.
(24) В нашей лафки фсево многъ…
(25) Мы с бабой Маний ф кино любим хадить…
(26) А в бальницы я фсиво рас лижала…
(27) В вайну я в гошпитале ляжал.
(28) … сидел ли ф тюрьме.
(29) З дочкай ф санаторию ездила прошлый гот.
(30) … яё в аптеку здають…
(31) В гастиницу нашэва брата не пускали.

(32) Ф кабаке таргавали воткой.
(33) … и не хади ф канцылярию калхозную.
(34) Кастирша ф кантори сказала…
(35) … можэ и учился ф семинарии.
(36) Эта работае ф кулинарии…

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (парк, сад, монастырь, лагерь, загородка/изгородь, заулок):

(37) … ехъла нъ квартиру, папала ф парк.
(38) Бутку ф садах зделают караулить яблаки.
(39) Чаво маладые в манастырь крестют.
(40) Сашка в лагерь отправлен сразу посли школы.
(41) Парасёнок в ызгаротки живёт…
(42) … а другой в заулки ждёт.

▪ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна, область и город в конкретных реализациях; поселок, исад ‘рыбачий поселок’, район, бок ‘край’, квартал и др.):

(43) … дак ня вязут в Росию в лазарет.
(44) Пришло мне извешшэнья ехать в Германию.
(45) В Эстонии па-русськи-та мала знают.
(46) Яво в Африку вроде отправили…
(47) А брат мой служыл ф Китайшшине.
(48) В Заозерья гулять пойдём.
(49) Паслали в Данбас…
(50) … в Сибири на кулачки деруцца.
(51) Сперва в горъде работълъ в ларьку.
(52) Ф Талине была устроитца лякко.
(53) Ляжала в Ленинграде, ф Павлафске.
(54) Брат в Мъгадани добывал залътъ.
(55) Г дочьки ездила нончи ф Тарту.

(56) Девацки ф пасёлки с сваёй пряжы ластавацки вяжуть…
(57) … с жаной в исат уехачи, там и жывут.
(58) … зимавал в Мълахофскъм раёни.
(59) Я ни ф каком баку ни бывала.
(60) … в этам квартале мы будем жыть.

▪ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (лес, болотина/амшарина ‘болотистая низменность’):

(61) Я в лису работалъ, ф палях…

К этой же категории относятся локумы, для которых релевантна оппозиция «верх ↔ низ». Они представляют собой низменные участки поверхности, противопоставленные возвышенным:

(62) … а в балотине калодиц…
(63) Там амшарина, балотина такая, в амшарине ягады…

2 В категории поверхностного типа входят локумы, которые осмысляются как полностью или частично ограниченные участки поверхности, с которыми человек вступает в функциональный контакт:

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (рынок/базар, ярмарка, кладбище, паперть, издворок ‘участок земли под усадьбу’; пашня, пастбище, выгон, картошница и др.):

(64) Недавна купила на базаре залатой корень.
(65) Баба-та на рынки абманила миня…
(66) Я мамины старинныи платья перешывала и красавалась […] на ярманки.
(67) На Смаленскам кладбишше многа артистаф похоронено…
(68) Сабрались на бую али на папирти нишшии.
(69) На нашым издворке теперь школу пастроили.
(70) К ночи на пазбишше с конем ехъли.

(71) … ступай на выган пасти карову.
(72) На картошницу мама пошла.

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (опушка, луг/пожня, пустырь, круглина ‘участок земли в лесу круглой формы’):

(73) Машкары на апушках многа…
(74) На лугах, кола канавинки, аны касили.
(75) Есть на пожне гарадишше ф канцэ поля…
(76) На пустырю была выкапана з земли каска…
(77) На круглины […] долга стаит вада.

▪ [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (буй ‘открытый участок возвышенности’, кряж ‘возвышенное место’, отмель и др.):

(78) Г бую шли, где чясовень стояла, на буёчке гуляли.
(79) Наша байня на кряжу стаит…
(80) Маленький рябёнак на атмеле купаеца…

▪ [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица/буй, дорога/большак, берег, пристань, взморье):

(81) Твая жонка фсё на вулицы крицала…
(82) Буй – улица, эво, говори, на буйке сено рассыпано.
(83) … кабы мы жыли на бальшаке…
(84) Дровы ляжат на пристани.
(85) Пашли прагуляца на изморье, на биряк моря.

▪ [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ] (чердак/изба, колокольня):

(86) На чердаки спал бальшунный такой катина.
(87) У нас на избе крысы бегают.
(88) … на калакальне немцы сидели.

В поверхностный тип концептуализации входят также комплексные пространственные объекты, состоящие из разнородных элементов:

- [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (море, озеро, река):

(89) Я на Баренцаве море была…
(90) Обозурничают ребята на озери…

- [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (фабрика, станция, аэродром, почта, курорт, мельница; дача, хутор, усадьба и др.):

(91) Приехал в Чернова, на фабрику…
(92) Вот на этай станцыи, на будушшей, я слезать буду.
(93) А третий мой сын на ядроме работаеть…
(94) … разу два на курорти был.
(95) … и летам лезуть на почту пасидеть.
(96) Быкоф и кароф фсе возят ва Пскоф нъ бойню.
(97) … а летам приежжали на дачу.
(98) В нас на хутари ни кусточька ни було.
(99) А как немца-то погнали […] мы и возвернулись на старые усадьбы…

- [ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО]:

(100) … на Дану там казаки…

- [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО]:

(101) Там на Украини держут казённых авец.

3 Как и в современном стандартном узусе, в псковских говорах отмечены локумы, которые в зависимости от того, что профилируется, могут осмысляться то как замкнутое пространство, то как открытая поверхность, с которой человек вступает в функциональный контакт.

▪ Так, *поле*, например, когда акцент делается на непосредственном взаимодействии человека с поверхностью (сельскохозяйственное угодье), мыслится в одном ряду с такими локумами как *пашня*, *бахча* и т.д. (категория [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ]) и сочетается с предлогом НА:

(102) Фсе на поле брюкву полют.

Когда же подчеркивается просто местонахождение, употребителен В:

(103) Бывала ф поли пасёш скатину…

Идея ограниченности (лесом, рекой, деревенской околицей)[19] относительно гомогенного природного пространства может подчеркиваться, например, с помощью глагола *войти*, который употребляется, как мы знаем, только с замкнутыми фрагментами пространства:

(104) Корова-та ф поле *вашла*…

▪ У локумов *огород* и *двор* сложно определить, что профилирует носитель языка, чем обусловлен выбор того или иного предлога. Ср.:

(105а) В агароде-та картошка растёт…
(105б) … он на агароди растёт…

(106а) …дъ дятька посли таво ён к йим и на двор ни хадил…
(106б) Пайди ва двор, пазави борава…

Однако можно утверждать, что если подчеркивается человеческая деятельность в контакте с поверхностью, то *огород* все-таки чаще встречается с НА:

(107) А на агароди кто каво садит…
(108) Фсю зябрю на агароде вырвала.

Если же профилируется местонахождение или движение в пределы локума, то употребительнее В:

(109) В угороде не загорожэно кусецэк.

(110) Схади в ыгарот…
(111) В огород забралися, кочарыг нарезали.

▪ *Кухня* также сохраняет два ряда ассоциаций. Как фон-площадка, на которой развертывается специфическая человеческая деятельность и на которую направлено внимание говорящего, *кухня* употребляется с НА:

(112) Пайду на куфню и *сварю фсё.*

В контекстах, где подчеркивается только идея отдельного помещения в доме, *кухня* встречается с В:

(113) Вызвал […] ф кухню.

4 Если говорить о колебаниях в репрезентации некоторых пространственных объектов, то здесь можно отметить следующее:

▪ Явление постоянной вариативности мы встречаем у таких локумов, как *квартира, деревня*, *завод*, *гумно*, *бор*, *березняк*, *болото*:

(114а) Зимой-та сидя ф квартеры.
(114б) Он на квартёру хадил…

(115а) Была в деревни две дымных избы…
(115б) В этът парень бой, фсех на деревне лупит.

(116а) В Ленингради метал измеряла, фсё в адном заводи работала.
(116б) Большый сын в горади на заводи каким-та енжынерам работая.

(117а) В гумни есь ладонь…[20]
(117б) Зерно на гумнах малатили…

(118а) Баравинка – сухое места в бару.
(118б) На бору на сосны аистово гнездо.

(119а) В бирезняги растут гарянки.
(119б) Я на бярязнягу в ягодах была.

(120) Багун растёт на балоте, трава вредная в балоте, адин багун растёт.

Интересно, что и в современном узусе *квартира*, *деревня*, *гумно*, имеют двойную интерпретацию (см. 3.5), а *бор* с обоими предлогами встречался в памятниках письменности (см. 4.6.2 и 4.8.4).

▪ Вариативность возможна и у локумов типично 'диалектного' пространства (т.е. такого пространства, представления о котором отражены в говорах):

(121а) Ф том краю *дяревни жывёт* старушка анна.
(122б) На том краю *диревни* люди пакрепчи *жывут*…

(123а) И *бросить* яво ф кут.[21]
(123б) Памрёш – *паложым* на кут, в угал значыть…

(124а) В ыздворке лук с*ажают*, овошши разные.[22]
(124б) У нас на издворки рош *посеяна*.

▪ Выбор нетрадиционного предлога мы отметили у следующих локумов:

(125) Выставять на избу да и цалавацца заставляют.
(126) На риге лучче сохнеть…
(127) Как съездит в мельницу, так пятёрка играит.
(128) Пашли в ярмак бляскуции сапаги пакупать.
(129) … и тавариш здесь ляжы похороненъ. Ф станцыи Перкосинярви… (Honselaar, 261)[23]
(130) Кулачьё сагнали в Алтай…
(131) Нас въкуйтръвъть хотели […] ня Вятку, ф Чирипафцы […] От на Вятку, а в Вятки тамъ роботали в лисапильнъм заводи. (Honselaar, 248)
(132) Святый Фрол и Лавра были на Изборьске каменшшики.

Поскольку подобные случаи сводятся к единичным, мы не решаемся делать выводы о степени вариативности в употреблении предлогов В и НА при данных локумах, но не отметить подобных колебаний нельзя.

5 Для 'диалектного' пространства характерен порой некий синкретизм в представлениях о некоторых локумах, границы между которыми размыты и как бы плавно переходят друг в друга. Эта нерасчлененность прослеживается и в номинации. *Биряг*, например, в псковских диалектах может обозначать и побережье (т.е. полоску земли), и прибрежные селения (т.е. административное пространство):

(133) В бирягу много лосий.
(134) В бярягу жэ там вроде паиначе гаварят.

Так, в (133) имеется в виду именно прибрежная местность, где могут водиться лоси, а в (134) – поселение людей, говор которых отличается от других. Однако это денотативное и когнитивное различие в данном случае предлогом не выражается.

Несколько иная ситуация с локумами, обозначенными одним апеллятивом *изба*, синкретизм которых основывается на пространственной сопряженности. *Изба* – это не только строение в целом, но и верхний уровень строения (чердак). Смена предлога эксплицитно подчеркивает данное различие (ср. примеры (2) и (98)).

5.3.2 Итоги раздела

1 Итак, в псковских говорах хорошо представлены практически все пространственные категории, характерные и для нормативного узуса.

Нами выделены следующие категории:

- контейнерного типа: [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ], [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 1;

▪ поверхностного типа: [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ], [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ], [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ], [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ], [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ], [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ], [ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО].

Не найдено примеров, относящихся к категориям [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 2 (например, *пустыня*, *степь* и т.д.) и [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША] (например, *залив*, *пролив* и др.).

Детальная разработка категорий [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] и [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] указывает на то, что освоено не только ‘диалектное’ пространство, но и ‘нормативное’, отраженное в кодифицированном языке.

2 Пространство в псковских диалектах состоит из более разнообразных дискретных локумов, чем это можно отметить в ‘нормативном’. Так, *круглина* представляет собой опушку леса именно круглой формы; а *исад* – не просто поселок, а рыбачий поселок. *Пуня* – это сарай для зерна, а *хоромина* – светлая, просторная комната и т.д. Качественное разнообразие касается прежде всего малых участков поверхности как естественно-природного, так и возделанного типа (*кряж*, *болотина*, *круглина*, *буй*, *издворок*), хозяйственных построек (*сарай*/*пуня*/*клуня*/*клеть*) и жилых и подсобных помещений в доме (*чулан*/*истёбка*/*казёнка*, *кладовка*/*засек*).

Важно отметить, что ‘диалектное’ пространство членимо на более мелкие фрагменты, чем ‘нормативное’. Так, комната в крестьянской избе разделена на *кут*, *переднюю половину*, *зад* и т.д.

В ‘диалектном’ пространстве представления о некоторых локумах могут обладать некой синкретичностью: границы между отдельными объектами определены порой нечетко, один локум плавно переходит в другой или вбирается им (*берег*, *изба*).

3 В псковских говорах отмечены случаи как постоянной, так и спорадической вариативности в употреблении предлогов В и НА при некоторых локумах. Примеры постоянных колебаний частично совпадают как с нормативным употреблением (*поле*, *двор*, *огород*, *кухня*), так и с разговорным узусом (*квартира*, *деревня*, *гумно*), а также случаями из памятников письменности (*бор*). Вариативность не исключена также и у локумов типично 'диалектного' пространства (*кут*, *край*, *издворок*).

Спорадически колебания отмечены у некоторых городов (*Вятка*, *Изборск*) и больших природно-геополитических областей (*Алтай*), а также у таких локумов, как *изба*, *рига*, *станция*, *мельница*, *ярмарка*.

5.4 Новгородские говоры

5.4.1 Анализ конкретного материала

В материалах новгородских говоров можно найти в основном все пространственные категории, характерные вообще для представлений носителя русского языка о пространстве. Набор локумов крайне разнообразен прежде всего тогда, когда речь идет о 'диалектном' пространстве. Как и в псковских диалектах, здесь выделяются явления, характерные для общеязыковых представлений, и явления, специфичные для данной диалектной территории.

1 К категориям контейнерного типа относятся локумы, которые однозначно осмысляются как закрытые пространства-вместилища или как участки поверхности с горизонтальными границами:

- [СТРОЕНИЕ] (изба, амбар/магазей, котельня, баня/саженка, житница, хлев, сарай/пуня/пелевна/кладник, сенник, курятник и др.):[24]

(135) Лицевая лавка впереди в избе вдоль окон.
(136) В амбарушках сено держали.
(137) В магазей засыпали зерно всей деревней…
(138) Раньше были наделаны в байни корытечки или бадеечки.
(139) А по субботам в саженку ходили.

(140) В житнице переруб был, а потом засек.
(141) Я схожу в хлев и покормлю зурку.
(142) В пуню солому убирали, сарай большой.
(143) В пелевне корм для скота хранили…
(144) В кладнике головки нетолченые кладут…
(145) В котельни воду для скота грели.
(146) Шиш все в курятнике живет…
(147) Сено в сенник кладут.

▪ [ПОМЕЩЕНИЕ] (комната/горница, стряпильня/судница 'кухня', предбанник/припереток, подполье, подвал/исподница, чулан/местина, клеть/прируб, подъезд, закуток 'огороженное место в комнате' и др.):

(148) … в горницу не пускали…
(149) Иди в баенник и одевайся.
(150) В приперетке все и переодевались.
(151) … в подпол лазили…
(152) В подвале-то плесень…
(153) У меня грибы в исподнице…
(154) Поди, ляг да отдохни в чулане.
(155) Снеси дрова в местину.
(156) Пошли в клеть есть.
(157) В прирубе обычно хранят домашнее имущество…
(158) У их в подъезде смород от кошек-то.
(159) В суднице пол не успеешь помыть…

▪ [УЧРЕЖДЕНИЕ] (церковь, магазин, больница, кинотеатр, клуб, контора, кабак и др.):

(160) Родителей все в школу таскает.
(161) Опять народу в магазине кипно кипит.
(162) В больницу пойду – заблужу не зублужу…
(163) Все едут в церкву…

(164) В клубе было столько миру.
(165) В кино он не пошел…
(166) В колхозной конторе там путнего слова не услышишь.
(167) … в кабаке находится, пьян да рван.

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (палисадник, проулок/прогон/заулок, загородка/изгородь, охожа ‘огороженное пастбище’; лоток ‘низина между взгорьями’, лядина ‘огороженный луг’[25] и др.):

(168) Идет девушка […] в полусадик.
(169) Вон в заулке у их буркиша-то стоит…
(170) У нас в проулке все зонтиком заросло.
(171) В том прогоне застрелили учительницу.
(172) … коровушка в онной загородки, а овцы в другой.
(173) Сейчас-то они в охожи…

Сюда же мы относим и фрагменты природного ландшафта, для которых релевантна вертикальная проекция (склоны холмов, высокий кустарник и т.д.), поддерживающая идею огороженности, замкнутости:

(174) В лотке косят между двум пашням…
(175) В вечора-то весь народ сходился в лядину, тамотка и пели…

▪ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (город и область в конкретных реализациях; деревня, забег ‘край, местность’, конец/зад/край (деревни) и др.):

(176) Молодушка опять в Москву писала.
(177) Леса гоняли в Ленинград ковда через Волхов…
(178) Она как в Питер засправлялась…
(179) После войны в Новгороде сряду была…
(180) Бывало, с обалкам-то в Руссу ездили.
(181) Отседова солдат раненых в Валдай везли…
(182) В Сибири набылась.
(183) … она одна во всей Новгородской области.

(184) В деревни у каждой семьи есть своя байня.
(185) Долго ли вы живете в этих забегах?
(186) В том конце живут.
(187) В заду у нас есть в поле место…

▪ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (лес/рамень/сморуга, березняк, пасека):

(188) Заблудили аны в лесу.
(189) В рамени лагерь-то их стоит.
(190) Попали в сморугу и не вылесть.
(191) В березнюке подберезовики растут.
(192) В пасеку раньше ездили.

2 Категории поверхностного типа объединяют, с одной стороны, пространственные объекты, которые осмысляются как участки поверхности, полностью или частично ограниченные, с которыми человек находится во взаимодействии:

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (рынок, ярмарка, буй ‘кладбище’, паперть, коломище ‘центральная площадь села’, росстань/кресты ‘перекресток’, придворок/сдворок ‘участок около дома’, план/дворище ‘приусадебный участок с постройками’, обрез ‘участок в аренду’, ладонь ‘площадка’, поварня; нива, пашня и др.):

(193) … берем на рынок кошевку.
(194) На ярмарках выкладали самые лучшие товары.
(195) На бую хоронили…
(196) … она на пеперти остается, в церкву не входит.
(197) Она выезжает на погост, в церковь…
(198) Гулянье на коломище было.
(199) На придворке кыл избы.
(200) На сдворке сажали и картошку…

(201) Иван поставил новую избу на селище.
(202) Мы на росстани двух дорог.
(203) Играй на своем плану и не отходи от дома.
(204) Оно у нас на дворище было, на пяльцах сохло…
(205) Огребать сено на обрезе…
(206) … на картофнике, где картошка была.
(207) На ладони в гумне молотят…
(208) Около пней на ниву разрыхлили землю клевцом.
(209) Ране-то пиво на поварнях варили…[26]

Как видим, данная категория представлена самыми разнообразными локумами именно 'диалектного' пространства с присущим ему более мелким членением. Это касается в первую очередь различных типов земельных участков и сегментов крестьянского подворья.

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (луг/лог, пустырь, , пустошь, ляга 'заливной луг/низкое место на болоте', гать, лядина 'участок леса под пашню', лобайка 'лужайка среди кустов', лука и др.):

(210) На лугу три летошника пасутся.
(211) На логу скот пасли.
(212) На пустошке у нас сенник был…
(213) Пустырь-то, на пустыре ходят телки.
(214) Цветы рвали на ляге…
(215) На гать гоняют скот…
(216) На лядине можно сеять пять лет без навоза.
(217) Эва нынче на луках-то трава в пояс выросла.
(218) Вчера попала на свою лобайку…

▪ [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (буй/косогор, борина/обрелок 'возвышенность', колмак/шагрушка 'островок', мыс/нос):

(219) У них дом на бую…

(220) Иди на косогор, погляди, не идут ли гости.
(221) Колмак – островок на озере, на колмаке росли цветы.
(222) На шагрушке сено накошено.
(223) Зимой на мызах на налимов ставят…
(224) Лодка-то наша стоит на носу…

Для некоторых ограниченных участков природного ландшафта, однако, оказывается более релевантным противопоставление «верх ↔ низ», которое актуализируется с помощью предлогов: В сочетается с низкими участками поверхности вне зависимости от того, замкнуты они или нет, а НА – с возвышенностями. Ср.:

(225) В гари ягоды растут…
(226) Завтра пойдем косить в лягу…
(227) На обрёлке лес стоит, все строевой.
(228) Вон на той борине ягод много…

- [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица, берег, юр ‘крутой берег’):

(229) На нашей же улице дом…
(230) Снешься на берегу и купаешься голышом.
(231) На юре ребятишки на салазках зимой катаются.

- [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ] (чердак/изба/подволок, поветь/сарай):

(232) Велел он пойти на чердак…
(233) Бывало-то на подволок вешала, это на избы-то…
(234) Полезай на поветь, сено там душистое…
(235) Сено кладут на сарай…

В новгородских говорах так же, как и в псковских, мы сталкиваемся с синкретизмом в представлениях о пространственном объекте, границы которого определены нечетко: один локум плавно переходит в другой, представляя собой его часть, или вбирает в себя другой, являясь целым. Отсюда

становится понятным и некоторый синкретизм в номинации. Так, *изба* может обозначать как верхний уровень (чердак), так и всю постройку в целом, хотя для чердачного помещения в новгородских говорах есть и другие наименования (*чердак*, *подволок*).

Своеобразен здесь и локум *сарай*, который представляет собой не постройку (как в нормативном узусе или в псковских диалектах), а настил между хлевом и домом. И здесь предлог НА подчеркивает именно идею уровневости. Ср.:

(236) Въезжаешь на сарай прямо на лошади и сваливаешь сено там, а по другому *съезду спускаешься* оттуда.

С другой стороны, в поверхностный тип входят категории, объединяющие комплексные пространственные объекты, состоящие из разнородных элементов:

▪ [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (озеро, река, пруд/караша, истрига ‘родник’, ручей):

(237) Я в том краю был, не на озере.
(238) Ну на реки и визгу было
(239) На пруду лягушки квыкают.
(240) Пойдем на карашу купаться…
(241) Пойду на истригу полоскать белье…
(242) … так и за водой и полоскать все на ручьевину ходили.

▪ [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (фабрика, завод, станция, ферма, мельница, скотный двор; хутор):

(243) На фабрики работала…
(244) Уйдут в копорки – уйдут на лето на огороды либо на заводы.
(245) Слуду леса свезли на станцию.
(246) Работать на ферме да как молока не напиться!
(247) Третьего дня на мельнице девки с Заречья говорили…

(248) На скотном дворе много молодняга.
(249) Жил старик со старухой на хуторе…

▪ [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (Русь, Украина):

(250) Уж 80 годов, как она на Русь вышедши, а сроду не баливала.
(251) Вот я на Украине-то раков видела…

3 Как и в современном стандартном узусе и псковских диалектах, в новгородских говорах отмечена вариативность в употреблении предлогов В и НА при отдельных локумах, которые в зависимости от того, на что направлено внимание носителя языка, могут профилировать то замкнутое пространство, то открытую поверхность, с которой человек вступает в функциональный контакт. Однако определить условия выбора того или иного предлога для новгородских говоров представляется не всегда возможным.

▪ Так, *поле*, например, если речь идет о фрагменте ограниченного (межой, деревенской околицей) и относительно гомогенного природного пространства или если подчеркивается просто местонахождение, чаще сочетается с предлогом В:

(252) В этом поле были рощепы…[27]
(253) … жалко, что крошка останется в поле…
(254) … и работают крестьяне бывало с солнышка до солнышка в поле…

▪ Когда же фокус направлен на непосредственное взаимодействие с поверхностью (*поле* как сельскохозяйственное угодье), то предпочтителен НА:

(255) У хорошего хозяина волота не найдешь на поле…
(256) Нонечь на поле какая редчина.
(257) Картошка у нас на низких полях была стерявши…

▪ По всей видимости, подобная интерпертация объясняет и различия в употреблении предлогов у *пожня* и *пустошь*, небольших участков пространства, с которыми человек может вступать в функциональное взаимодействие (глагол *косить*). Ср.:

(258а) *Поженная трава* далеко в пожнях…
(258б) *Поженная трава* на пожнях, она хуже.

(259а) В пустошах только что […] траву *косили*.
(259б) И кажиный год *косили* на пустоши.

▪ Как и в нормативном употреблении, у локумов *огород* и *двор* возможна двойная интерпретация, условия употребления которой, однако, определить нелегко:

(260а) Буйный и чертополох на огороде *вырастает*.
(260б) … простая трава, высокая, вон в огороде *растет*.

(261а) Дома во дворе *обходили скотину*.
(261б) … и на своем дворе *обойдет всю скотину* три раза.

Для локума *огород* представляется практически невозможным установить условия выбора того или иного предлога. Ту закономерность, которая прослеживается в нормативном узусе и частично в псковских говорах, здесь обнаружить не удалось: как при актуализации человеческой деятельности, так и при фокусировании на самом объеме возможны оба предлога:

(262а) *Копали* картошку на огороде вилашкам…
(262б) В огороде *сажаю* огурцы, свеклу…

(263а) Все грядки в огороде мокряком заросли…
(263б) На огороде много мокряка, купусту съел.

Хотя идея местонахождения несколько чаще ассоциируется с предлогом В:

(264) Чучалко в огороде стоит.

Двор представляется прежде всего как участок плоскости, если внимание направлено на контакт с поверхностью:

(265) … рассол на дворе, вода-то на дворе…
(266) На дворе мостенки, на крыльце ступни.

▪ *Кухня* также сохраняет два ряда ассоциаций. Как некая площадка-опора, на которой располагаются различные предметы, *кухня* употребляется с НА:

(267) Лавка на кухне…
(268) Залавки на кухни у печи…

В контекстах, где актуализируется идея отдельного помещения в доме, *кухня* встречается с В:

(269) В кухне пол надо напахать.
(270) Он играет, а я том в своей стряпильне пою.

▪ *Конюшня* - это не только помещение для лошадей (пример (271а)), но и комплексное сооружение с прилегающей территорией (пример (271б)). Отсюда двойная интерпретация:

(271а) … нады овец в конюшню.
(271б) … лошади худые были, я на конюшны и жил.

4 Если говорить о колебаниях в репрезентации некоторых пространственных объектов и, следовательно, в употреблении предлогов В и НА, то здесь можно отметить следующее:

▪ Явление постоянной вариативности мы встречаем у таких локумов, как *сени*, *коридор*, *гумно*, *рига*, с признаком трехмерности, замкнутости:

(272а) Клетушка в сенях была…
(272б) На сенях клетушки в хороших домах встарь было.

(273а) … клеть как анбар, она в колидори построена.
(273б) Клеть на коридоре заборкой отбиралась…

(274а) В гумне рижной хозяин…
(274б) На пол на гумне выстилали снопы вершинкой в кучу…

(275а) Сусед топил каменку в своей риги.
(275б) Подсохнет лен, а потом с головками на ригу, чтоб головки не стереть.

Фокус направлен на тот сегмент локума (объем ↔ плоскость), который оказывается для носителя наиболее значимым в момент высказывания.

Вариативность В и НА довольно часто встречается и у локума *болото*, который рассматривается то как водный бассейн с прилегающей территорией (НА), то как фрагмент однородного природного пространства по типу *леса*, *поля* и т.д. (В):

(276а) На болото ходила.
(276б) Я ходила снароку в болото посмотреть, есть ли нынче ягоды.

В отличие от выше приведенных примеров, смена предлога в данном случае не столько связана с идеей эгофокальности, сколько с различными интепретациями самого локума.

▪ Специфичное диалектное наименование некоторых общеизвестных локумов обжитого пространства может вести к особой их интепретации. Это касается, например, таких объектов, как *городина* ‘сарай’, *жальник/ограда* ‘кладбище’, *лиман* ‘речной залив’, *рёлка* ‘пригористое место’, *сдворок* ‘приусадебный участок с домом’ и другие:

(277а) … а хорек в городине жил, кур таскал…
(277б) Шли бы вы спать на городину, дома-то жарко.

(278а) В этом жальнике много людей *захоронено*…
(278б) Вы уж меня на своем жальнике *похороните*.

(279а) В ограды людей хоронят…
(279б) Я на ограду пришла и ребенка взяла.

(280а) Утки в лиманах.
(280б) Ай-да на лиман купаться.

(281а) Вон пойдём в ту рёлку…
(281б) На этой рёлке токо березняжек и растёт.

(282а) … будто ён у ей где-то в сдворке жил.
(282б) На сдворке кукушка куковала, и утонул.

Как правило, это огороженные участки поверхности или возвышенности, где внимание может переключаться с границ локума (ограда, забор) на функциональный контакт с его поверхностью (ср. употребление здесь глаголов *хоронить*, *расти*).

▪ Употребление нетрадиционного предлога можно отметить у следующих локумов:

(283) Дивки-то у тя день-деньской на деревни божевольничают…
(284) На бору у нас медведи водятся.
(285) Это уж на новом месте изба, а моя […] в улице.
(286) Стали справно в хуторе-то жить…
(287) Дед в балатавине косит.[28]
(288) В самых щёках робетишки раков наловили.[29]
(289) Ты в целину не езди…

Поскольку подобные случаи единичны, мы не решаемся говорить здесь о постоянной вариативности, но не отметить подобных колебаний нельзя.

▪ Своеобразие ассоциаций, легших в основу наименования некоторого локума, связь с совершенно иными представлениями могут не только расширить возможности интерпретации, но и привести к обратной концептуализации. Так, *мост*, который представляет собой закрытое помещение,

соединяющее крыльцо и внутренние покои крестьянской избы (ср. с *сени*), должен был бы ассоциироваться с замкнутым пространством и сочетаться достаточно регулярно с предлогом В. Однако этого не происходит: *мост* употребляется исключительно с НА:

(290) Вынеси ведро-то на мост…

По всей видимости, здесь важную роль играют ассоциации, связанные с иным локумом (но обозначенным тем же словом), представляющим собой не закрытое помещение, а открытый настил. Эти ассоциации, поддержанные идеей функционального взаимодействия с поверхностью, однако, настолько сильны, что определяют представления и о локуме с совершенно иными конфигурациями.

То же явление мы наблюдаем и у *надызбица*, которая, представляя собой чердачное помещение, должна была бы сохранять идею верхнего уровня (предлог НА). Однако можно предположить, что ассоциативная связь в самом наименовании с избой как закрытым помещением настолько доминантна, что представления об уровневости здесь стираются, а это влияет на выбор предлога:

(291) Старые книги отнеси в надызбицу.[30]

5 Для 'диалектного' пространства в новгородских говорах, как и в псковских, с одной стороны, характерен некий синкретизм в представлениях о некоторых локумах.

Этот синкретизм может основываться, с одной стороны, на пространственном соположении/сопряженности двух локумов. Так, *гуменник* обозначает не только помещение у гумна, но и саму площадку перед гумном. Понять, о чем идет речь, становится возможным именно благодаря предлогу:

(292а) В гуменник привезли зерно…
(292б) На гуменник кладут овес, гречу в снопах до осени…

С другой стороны, синкретизм в представлениях может опираться и на когнитивное/ассоциативное соответствие. Например, *прогон* – это не только 'переулок', но и 'полевая дорога', *рамень* может обозначать 'опушку леса' и 'лес на краю пашни', а *лядина* – это 'огороженный луг' и 'участок леса под пашню'. Например:

(293а) … а потом сверните в прогон…
(293б) На прогоне было много народу…

(294а) Ребята бегали в рамень рвать землянику.
(294б) На рамени земляника поспела.

Использование одного и того же наименования для различных пространственных объектов здесь мотивировано неким довольно абстрактным ассоциативным образом «полоски земли» или «ограниченного участка поверхности».

Таким образом, выбор предлога может не только помочь понять, на что направлен фокус говорящего (на границы или на поверхность в границах локума), но порой и определить сам локум.

5.4.2 Итоги раздела

1 Итак, в новгородских говорах хорошо представлены практически все пространственные категории, которые мы определили и для нормативного узуса.

Нами выделены следующие категории:

- контейнерного типа: [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ], [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 1;

- поверхностного типа: [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ], [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ], [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ], [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ], [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ], [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ], и [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО].

Как и в псковских диалектах, здесь не найдено примеров, относящихся к категориям [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 2 (например, *степь*, *пустыня*); [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША] (например, *залив*, *пролив*).

Большое количество локумов, относящихся к категориям [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] и [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] свидетельствует о том, что в первую очередь хорошо освоено 'диалектное' пространство, т.е. пространство в пределах диалектной территории.

2 'Диалектное' пространство насыщено разнообразными дискретными локумами в гораздо большей степени, чем 'нормативное'. Так, здесь различаются неогороженный *луг* и огороженный луг (*лядина*), островок на реке (*колмак*) и островок посреди озера (*шагрушка*). Различные наименования сарайного строения зависят от его размеров, предназначения, местонахождения и т.д. Качественное разнообразие особенно касается небольших участков поверхности как естественно-природного, так и возделанного типа (*ляга*, *гать*, *лядина*, *лука*; *обрез*); огороженных участков поверхности (*проулок/прогон/заулок*, *охожа*, *горожник*, *лядина*); подсобных строений (*баня/саженка*, *сарай/пуня/пелевна/кладник*); жилых и подсобных помещений в доме (*стряпильня*, *исподница*, *местина*, *клеть/прируб*, *закуток*).

В новгородских диалектах мы отмечаем не только множественность номинации, когда один и тот же локум имеет различные наименования (*придворок/сдворок*, *план/дворище*, *буй/косогор*, *борина/обрелок*, *загородка/изгородь*, *проулок/заулок*, *предбанник/приперетoк*), зачастую возможна и множественность денотативной соотнесенности, когда один апеллятив обозначает два различных локума, в основе представлений о которых лежит единый, крайне абстрактный образ (*прогон*, *рамень*, *лядина*).

Для 'диалектного' пространства характерно и более мелкое членение. Так, *придворок* – часть двора, находящаяся у дома или перед домом, а *зад* – за домом. *Боровина* – не весь сосновый лес, а некоторый его участок. *Закуток* – огороженная часть комнаты, *заполек* – край села или поля и т.д.

'Диалектному' пространству присущ некоторый синкретизм в представлениях (а следовательно, и в номинации), когда границы между от-

дельными локумами не обозначены: один локум плавно переходит в другой или вбирается им.

3 В новгородских говорах отмечены случаи как постоянной, так и спорадической вариативности в употреблении предлогов В и НА при некоторых локумах. Примеры постоянных колебаний частично совпадают со случаями, отмеченными и для нормативного употребления (*поле*, *двор*, *огород*, *кухня*, *конюшня*). Интересно, что вариативность в репрезентации более характерна для локумов 'диалектного' пространства, где давление нормативных интерпретаций отсутствует: *городина*, *жальник*/*ограда*, *лиман*, *рёлка*, *сдворок*.

Спорадическая вариативность встречается у локумов, хорошо нам известных по анализу разговорной речи и памятников письменности: *бор*, *деревня*, *улица*, *хутор*, *целина* и некоторые другие.

5.5 Московские и тверские говоры – говоры «центра»

5.5.1 Анализ конкретного материала

В отличие от материала псковских и новгородских говоров, небольшие по объему источники московских и тверских диалектов не дают такого глубокого и всестороннего представления об особенностях 'диалектного' пространства, для них характерного. Однако некоторые наблюдения все-таки можно сделать.

1 Рассмотрим вначале локумы, которые однозначно осмысляются как закрытые пространства-вместилища и входят в категории контейнерного типа. Здесь можно выделить:

- [СТРОЕНИЕ] (дом, изба, баня, сарай, амбар/гамазей, хлев, овин, кузница, рига, шора 'постройка для хранения снопов', палатка 'ларек' и др.):

(295) В доме готовились у празднику… (КОС)
(296) … в ызбе был голбец… (СП)
(297) Ф кажный бани жывёть банник. (СП)
(298) … штоп ф сарай не бегать. (КОС)

(299) В анбаре у нас мука, зерно. (СП)
(300) В гамазей засыпают общественное зёрно… (КОС)
(301) Авец диржали ф хливу… (ХД, 75)[31]
(302) В риге печка, а в авине грудок… (СП)
(303) Нужно свезти плуги в кужню для ремонта. (КОС)
(304) Сваживайте лен в шатер. (КОС)
(305) В шоре молотят. (КОС)
(306) Дочка ф палаткь работъит… (ХД, 75)

▪ [ПОМЕЩЕНИЕ] (горница/хоромина, вышка 'холодная комната', сени, судница 'кухня', подполье, подвал, клеть/сельник 'кладовая', чулан, балаган 'пристройка к дому'):

(307) Молоко три дня мозгнет в чулане. Надо бы вынесь в горницу. (КОС)
(308) Иди в свою хоромину, иш кака стоит красавица. (КОС)
(309) Ад жары мы спасались в вышки… (СП)
(310) Не ходи в сени, а то заберет сенной. (КОС)
(311) Поди в судницу и принеси тарелку. (КОС)
(312) … а то зафтра ф потпъл лесть… (СП)
(313) Контора ехная ф подвале. (СП)
(314) В клети и зярно и адёжа лежит. (КОС)
(315) Возьми корыто в сельнике. (КОС)
(316) Сходи-ка в балаган за сеном… (КОС)

Как видим, первые две категории представлены довольно разнообразным набором локумов.

▪ [УЧРЕЖДЕНИЕ] (школа, магазин/лавка, кинотеатр, клуб, чайная и др.):

(317) Опять ф школе фулиганил… (СП)
(318) … у них виш фсё в мъгазини есь… (СП)
(319) На буднях народу в лафке… (СП)
(320) Коли управлюсь с делами, пойду в кино. (КОС)
(321) … а сичас мъладыи ф клуби събираюццъ… (СП)

(322) Раньше в Шъхафскую ф чайную хадили. (СП)

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (сад, межугалок ‘проулок’, охожа ‘огороженный выгон’):

(323) … у съседъ фсе яблъни ф саду пъламалъ. (СП)
(324) … ан эн в тот межугалок можно будет проехать к ней. (КОС)
(325) Коровы в ухожы. (КОС)

▪ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (город с конкретной реализацией, село):

(326) Сколько в городе ни жыл, а серяком остался. (КОС)
(327) Какая у вас боль в Москве ходит… (СП)
(328) В йихим силе былъ многъ лавък… (СП)

▪ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (лес, березняк, вышородок ‘участок леса для рубки’):

(329) Как идешь в лес, то стопинка будет, узенькая, прямая… (КОС)
(330) Дроф нърубить надъ, в вышъръдък идёш… (СП)
(331) … а большы их в биризняке… (СП)

2 К категориям поверхностного типа можно отнести:

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (базар, селище, усадьба; выгон):

(332) Кали ты пайдёщь на базар. (КОС)
(333) Тут у нас растуть двухгадичники на селищи, а картошка – на усадьби. (СП)
(334) … многъ яё на выганах… (СП)

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (луг, поляна):

(335) … хадили на руках и на нагах всегда на лугу… (СП)

(336) Арник нъ палянъх у лесъ растёт… (СП)

▪ [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ] (сильница ‘настил над двором для сена’):

(337) Привёзут ис сарая вос сена и спрячут на сильницу… (КОС)

▪ [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река):

(338) Пайдите на рику, там и увидити бълаболки… (СП)

▪ [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (фабрика, ферма, мельница):

(339) Бардуса ткали на фабрике. (СП)
(340) … ана на ферми… (СП)
(341) Смотри не пропусти свою череду на мельнице. (КОС)

3 Ограниченное количество примеров не дает развернутой картины закономерностей колебаний в осмыслении отдельных локумов. Однако здесь можно отметить следующее:

▪ *Поле*, например, встречается только с предлогом В вне зависимости от того, на что направлено внимание: на контакт с поверхностью (сельскохозяйственное угодье) или на ограниченность (лесом, межой, деревенской околицей) природного и относительно гомогенного пространства:

(342) Жисятък снопоф льна или хлебъ ф поле ставили в бапку. (СП)
(343) В берестени носили зафтрак ф поле… (КОС)
(344) Колхозники сваживали мусор в поле. (КОС)

▪ Для локумов *двор* и *огород* возможна двойная интерпретация, условия употребления которой, однако, не так легко определить из-за незначительного количества примеров.

При анализе конкретных примеров возникает впечатление совершенно равных условий употребления обоих предлогов при *огород*:

(345а) Бот – этъ на огороде што *ростёт*… (СП)
(345б) Вон у меня в огороде бастилинъ *вырьсль*. (СП)

(346а) Фтарой гот, как ни стал ка мне на гарот *хадить*. (ХД, 76)
(346б) *Поди* в огорот, наломай свекольнику. (КОС)

Для локума *двор* предлог В несколько употребительнее в ситуациях, подчеркивающих местонахождение:

(347) Во дворе делалось крылечко заднее – там мост и уборная – или сенцы. (КОС)
(348) Диктярник стаял въ дваре… (СП)

Хотя:

(349а) *Омшаник* – теплая постройка для скота на дворе. (КОС)
(349б) *Омшаник* – погреб во дворе. (КОС)

4 Отсутствие богатого иллюстративного материала не дает возможности говорить о закономерностях постоянной вариативности. Однако случаи спорадических колебаний в интерпретации отдельных локумов и в выборе предлогов В и НА встречаются довольно регулярно. Это касается в первую очередь локума *деревня*, а также малых участков поверхности естественно-природного и возделанного типа (*ялань*, *пустошь*, *обошник*):

(350а) У нас на фсей диревни бакалдины. (СП)
(350б) У нас ведёрникъф в деревне нет… (СП)

(351а) В йиланках трава для ската харошгья.[32] (СП)
(351б) Пакос нам дали на ялани. (СП)

(352а) На пустошь поехали. (КОС)
(352б) Коров погнали в малиньки пустоша. (КОС)

(353а) Надо скосить траву в обошнике.[33] (КОС)
(353б) На вабошники лук растёт… (СП)

▪ Нетрадиционный предлог встерчается у *завод*:

(354) В заводи врач харащо пъмагаит. (ХД, 75)

▪ Своеобразие ассоциаций, легших в основу наименования некоторого локума, связь с совершенно иными представлениями могут не только расширить возможности интерпретации, но и привести к обратной концептуализации. Так, ассоциативная связь с помостом, настилом определяет исключительное употребление предлога НА при *мост* (см. анализ в разделе 5.4.1):

(355) С улицы поднимаешься на крыльцо, а потом входишь на мост. (КОС)[34]
(356) В избе мухи, ане и легли с маткуй на мосту. (КОС)

5.5.2 Итоги раздела

1 Итак, в московских и тверских говорах представлено большинство пространственных категорий, которые мы определили и для нормативного узуса.

Нами выделены следующие категории:

▪ контейнерного типа: [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ], [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 1;

▪ поверхностного типа: [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ], [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ], [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] и [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ].

Из-за ограниченного объема проанализированного материала набор локумов большинства категорий также ограничен. Более или менее хорошо разработаны категории [ПОМЕЩЕНИЕ] и [СТРОЕНИЕ], а [УЧРЕЖДЕНИЕ] и [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] представлены довольно слабо.

Такие же категории, как [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 2, [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША], [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ], [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ], [ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАН-

СТВО] и [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО], не представлены вообще.

2 Отметим, что и здесь 'диалектное' пространство качественно более разнообразно, чем 'нормативное'. Так, помещение для хранения зерна (*амбар*) отличается от помещения для хранения общественного зерна (*гамазей*), *поляна* отличается от поляны в лесу (*ялань*), а *балаган* – не просто пристройка к дому, а специальное помещение для хранения сена и дров. Как и в других говорах, качественное разнообразие особенно касается малых участков поверхности как естественно-природного, так и возделанного типа (*ялань*, *обошник*, *подворок*, *селище*); огороженных участков поверхности (*охожа*, *капустник*, *картофельник*); подсобных строений (*гамазей*, *шора*); жилых и подсобных помещений в доме (*клеть/сельник*, *судница*, *балаган*).

3 В московских и тверских говорах также отмечены случаи вариативности в интерпретации и репрезентации некоторых локумов. Об особенностях этой вариативности мы затрудняемся говорить, так как не располагаем значительным материалом для надежных выводов. Но и здесь колебания затрагивают те же фрагменты пространства, что и в разговорной речи, псковских и новгородских диалектах, а также в памятниках письменности: *огород*, *двор*, *деревня*, *завод*.

5.6 Выводы главы

Итак, детальный анализ языкового материала среднерусских говоров (западной и восточной зон) позволяет нам выделить следующее:

1 Не все области освоенного пространства одинаково полно представлены в диалектах. Так, например, локумы, относящиеся к природно-географическому, природно-геополитическому и этно-геополитическому пространствам, практически полностью отсутствуют в материале. В то же время категории [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] и [ПОВЕРХ-

НОСТЬ + ЛЮДИ] представлены крайне разнообразно.

Неравномерность распределения материала не позволяет нам, к сожалению, составить алгоритм, позволяющий определить или предсказать концептуализацию любого, не только существующего, но и потенциально возможного локума.

Несоответствия в подаче и распределении материала неслучайны и объясняются, на наш взгляд, не только спецификой составления словарей и тем, что составители в первую очередь были заинтересованы в представлении «типично диалектного» материала, но и спецификой освоения действительности диалектоносителями, когда наиболее интенсивному освоению подвергается прежде всего окружающее и приближенное к человеку пространство, которое он максимально дифференцирует и расчленяет.

2 Это дает нам право говорить о так называемых ‘нормативном’ (отраженном в кодифицированном языке) и ‘диалектном’ (отраженном в говорах) пространствах. Последнее мы разделяем на *ближнее* пространство, непосредственно окружающее человека, с которым он активно взаимодействует, и *дальнее* пространство, от него отстоящее и по своим характеристикам во многом совпадающее с ‘нормативным’. Говоря о ближнем и дальнем ‘диалектных’ пространствах, мы имеем в виду не столько физическое расстояние, сколько знание о пространстве, степень его освоенности и вовлеченности в жизненный опыт человека.

Локумы ‘нормативного’ пространства представляют собой более крупные единицы. Незначительные различия (в размере, способах использования и т.д.) между ними снимаются, оказываются нерелевантными.

По-другому дело обстоит с ближним ‘диалектным’ пространством. С одной стороны, многие пространственные объекты подвержены здесь максимальной дифференциации и членению. Причем членение локума может совершенно размыкать его в пространстве, полностью менять его репрезентацию (например, > СЕНИ< или > КОРИДОР<).

С другой стороны, именно в ближнем ‘диалектном’ пространстве носитель языка наиболее свободен в определении того, что из локативной си-

туации попадает в фокус его внимания. Отсюда довольно высокая вариативность в интерпретации и языковой репрезентации тех локумов, которые, с одной стороны, отсутствуют в 'нормативном' пространстве и, таким образом, не испытывают давления традиционно-нормативных представлений, а с другой – конфигурации которых изначально не однозначны или подвергаются дополнительному членению. Все это, безусловно, ведет на языковом уровне к колебаниям в выборе предлога. Особенно вариативность характерна для малых *участков поверхности* природно-естественного и возделанного типа, *селений*, *огороженных участков* поверхности, *комплексных сооружений* с прилегающей территорией, подсобных *строений*, а также различных *помещений в доме*.

3 В 'диалектном' пространстве многие локумы отличаются множественностью номинации, причем диалектное наименование предполагает, как правило, более гибкую интепретацию соответствующего локума-денотата. Там, где норма исключает вариативность, диалект допускает ее.

Для 'диалектного' пространства в говорах характерен некий синкретизм в представлениях, когда границы между различными объектами определены неточно, когда один локум плавно переходит в другой или вбирается им. Это отражается и на синкретичности наименования.

Однако одно и то же наименование возможно и для совершенно различных пространственных объектов, если только оно мотивировано или идеей сопространственности/сопряженности, или неким довольно абстрактным ассоциативным образом, например, «полоски земли», «ограниченного участка поверхности» и т.д. В этих случаях предлог не только помогает понять, на что направлено внимание говорящего (на границы или на внутреннюю поверхность-опору локума), но и определить сам локум.

Таким образом, вариативность в осмыслении некоторых фрагментов пространства характерна для синхронии языкового континуума. Она обусловлена не только спецификой представлений человека о пространстве, но и неоднозначностью формы отдельных локумов, которая позволяют носи-

телю языка фокусировать внимание то на границах, подчеркивая свойства объема, то на поверхности внутри границ при актуализации функционального контакта.